

© 2001 г.

В.П. КУЛТЫГИН

ТЕНДЕНЦИИ В ЕВРОПЕЙСКОЙ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ НАЧАЛА XXI ВЕКА

(Навстречу 5-ой Европейской социологической конференции)

*КУЛТЫГИН Владимир Павлович - доктор философских наук, профессор, руководитель
Центра истории социологии Института социально-политических исследований РАН.*

Внимание российских социологов к процессам в международном сообществе социологов, к современным теориям и концепциям, к работам ведущих специалистов мировой социологической науки становится более дифференцированным. И в этом плане есть смысл привлечь внимание читателей журнала "Социологические исследования" специально к процессам, развернувшимся в последние годы в европейской социологии, прежде всего в области теоретических изысканий.

Создание в 90-х гг. XX в. Европейской социологической ассоциации стало свидетельством того, что европейские социологи остаются лидерами в разработке фундаментальных и методологических проблем социологического познания. Большинство авторитетных теоретиков, включая работающих в настоящее время в США, сформировались и обрели признание в Европе: Дж. Александр и А. Гидденс (Великобритания), З. Бауман и П. Штомпка (Польша), М. Кастельс (Испания).

В современном обществоведении есть несколько уровней теоретического осмысления социальных процессов и явлений. Не затрагивая содержания используемых европейской социологической литературой понятий "социальная теория", "социальная наука", "социальные науки" (это тема специального разговора), рассмотрим группу относящихся к сфере теории и методологии понятий, вошедших в методологический обиход российских социологов. *Социальная философия* - область теоретического анализа общих, универсальных закономерностей, присущих обществу и его связям с природой, с одной стороны, и сознанием, психикой человека, с другой. *Социальная теория* осмысливает присущие обществу закономерности, ограничивая свой предмет социумом, его процессами и явлениями. *Социологическая теория* соотносит изучение социальных явлений и процессов с предметом и методом социологии. Обязательным условием принадлежности знания к социологии является его эмпирическая верификация. Еще один атрибут социологической теории — стремление к квантификации процессов и явлений, исследуемых ею. Эмпирическая интерпретация присутствует не в каждой социологической теории. Однако, чтобы с полным правом называться социологической, теория должна допускать эмпирическую интерпретацию своих основных категорий.

Кто создает социологическую теорию? На "Харчевских чтениях" 2000 г. в журнале "Социологические исследования" Н.И. Лапин сформулировал важное требование к создателям социологической теории: иметь в своем научном опыте хотя бы одно проведенное от начала до конца эмпирическое исследование. Это необходимо для того, чтобы создатель социологической теории знал потребности эмпирического исследователя и мог их удовлетворить. *Создателя* теории неправильно отождествить с *субъектом* теории, поскольку не всякое теоретическое построение становится теорией. Статус теории аналитическое построение приобретает в случае, когда получает признание профессионального сообщества и входит в тезаурус социального знания и/или социальной практики. Путь институализации социальной теории - ее эмпирическая проверка прикладным исследованием, хотя путь не единственный. Иногда он недостаточен для легитимации объясняющих положений в ранге теории. Примером может быть ситуация, когда проведено верифицирующее эмпирическое исследование, получено, как считает автор, подтверждение постулатам, однако эмпирические факты и объяснение не признаны профессионалами. Помимо эмпирической проверки, объясняющий подход обретает статус теории тогда, когда вызывает дебаты в среде профессионалов, когда выдвинутое построение актуально, созвучно гносеологической, эпистемологической ситуации, сложившейся в данной области социальной науки.

Сказанное подводит к выводу, что *субъектом теории* в полном объеме этого термина является не ее непосредственный создатель, а *профессиональное сообщество*, легитимирующее данный подход, его актуальность и значимость. Более того, несмотря на практику отождествления теорий с именами ученых, социальная теория - это, как правило, плод коллективного творчества. Характер современных социальных наук сложен. Нередки споры о приоритете (например, между В. Парето и Г. Москвой относительно теории циркуляции элит, американской и французской школ по поводу структурного функционализма). Институализирующими субъектами социальных теорий выступают научные школы, специализированные издательства и редакционные коллегии, профессиональные ассоциации и научные конференции. Одна из очевидных форм легитимизации теории - включение ее в курсы учебных заведений.

Все большую роль в институализации социальных теорий приобретают международные объединения обществоведов. В социологии это Международная Социологическая Ассоциация, Международный Институт Социологии, Европейская Социологическая Ассоциация.

Типология социологических теорий. Мировая социология в попытках типологизировать социологические теории выделяет несколько классов нормальных теорий и класс псевдотеорий. Рассмотрим модифицированную автором настоящей статьи типологию, предложенную П. Штомпкой Международной конференции по социальной теории (Кембридж, Великобритания, август 2000 г.) [1].

Первый вид - *объясняющие* теории - пытается преодолеть искусственный разрыв между теорией и эмпирикой. Решение этой задачи особенно важно в условиях широкомасштабных перемен в мире. Цель объясняющих теорий - помочь ориентироваться в меняющемся мире. Никакие факты, данные не ответят на вопросы людей. Достоверную картину социального мира могут предложить обобщающие, объясняющие модели. Таковые создаются не только ради признания теоретиков, но и чтобы отвечать потребностям широкой аудитории - осознать социальные условия и адаптировать к ним собственные действия. Одна из задач социологической теории — информировать участников общественного дискурса. Эта роль актуализируется по мере того, как все больше обществ обретает демократичный характер.

Второй вид социологических теорий — эвристические. Они близки социальной философии - онтологии и "социальной метафизике", ищущих ответ на вопросы о природе социальной реальности: основания социального порядка; структура социального действия; тенденции и механизмы социальных изменений. Основная функция этих теорий - помочь нащупать специфические переменные, предложить категории, позволяющие вскрыть новые аспекты реальности, сформулировать рамки интерпретации фактов. Стимулы к поискам "парадигмальных сдвигов" действуют в трех направлениях:

Первый вектор - "система → поле". Он переориентирует социологические теории от описания предмета социологии как фиксированной органической системы к новому, усложненному видению социальной реальности. Предметом становится поле, где действуют социальные силы — акторы и агентства изменений. Социальный порядок рассматривается в разных ипостасях: как возникающий, конструируемый, постоянный, как результат деятельности агентств, вое- и производимый посредством социальных действий индивидов. Акцент сдвинут на изучение действия. Второй вектор "парадигмальных сдвигов" - "*социальное развитие → становление общества*". От идеи социального развития времен Просвещения и даже Возрождения теоретики идут к понятию социального становления. История предстает итогом сознательных, направленных усилий, а социальное действие - как незавершенный процесс с множеством сценариев, реализация которых зависит от выборов, решений, случайных обстоятельств. Третий тренд - "*экзистенция → познание*" — отправной точкой имеет два образа индивида. Их описал В. Парето в теориях логического и нелогического действия: имидж "*homo oeconomicus*", человека рационального, рассчитывающего действия, исходя из оптимума интересов, целей и средств; имидж "*homo sociologicus*", человека, ориентированного на выполнение правил, играющего социальные роли.

В настоящее время теория развивается к модели индивида "*homo cogitans*" (человека познающего). Он - социальный актор, вооруженный знаниями и оружием познания. Наряду с рациональной экипировкой он обладает телом и эмоциями, влияющими на решения. Осмысленные им действия реализуются в рамках осознаваемой им коллективной символической системы знаний, верований. Обращение социологической теории к такой модели отражено в частом употреблении терминов "императивный", "культурный", "лингвистический" поворот.

Третий вид социологических теорий — "*аналитические*" — уточняющие, классифицирующие понятия, предлагающие типологии. Такие теории играют свою, как правило, дополняющую роль. Тем не менее, их не отнесешь к усилиям по чистке оружия,

никогда не используемого. При реализации таких теорий следует опасаться, чтобы они не вели к закреплению закрытых, самодостаточных, специальных языков социологии, далеких от реальности и ставших игрой только посвященных.

Еще один вид теорий - *эксегетические теории*. Начало Вергилиевого "Памятника": Ehexi monument aere perrenius полагает соотнесение теории с классикой социологии. Такая теория занимается анализом, реконструкцией, комментированием, критикой, трактовкой понятий в рамках существующих теорий. Предшествующее знание никогда не устаревает полностью. Вероятно, физику можно развивать, не зная ее истории, но нельзя развивать философию, не изучив ее истории. Социолог должен знать классиков, осмысливать их теории, принимать во внимание традиции, прежде чем теоретизировать самостоятельно. Эксегетический этап - условие становления социолога-теоретика. Вспомним "Две жизни. Маркс и Спенсер" М.М. Ковалевского, "Социологические теории современности" П.А. Сорокина, труды Т. Парсонса по переводу, изданию и комментированию работ Э. Дюркгейма, М. Вебера и В. Парето, "Капитализм и современная социальная теория" А. Гидденса и другие. Подобного рода теории - нива, на которой произрастает теоретическое самосознание социологии.

Подготовительная работа может стать главным делом социолога, старающегося определить, что классик сказал в действительности; как бы он мог выразить это лучше; что он мог бы сказать, но не сказал; чего он не должен был говорить, но огласил; не противоречив ли он; что он имел в виду; почему он скрыл от читателя то, что он в действительности имел в виду, и т.д. Чем непонятнее теория или ее изложение, тем вероятнее бесконечные эксегетические дискуссии. "Чемпионы таких игр, - пишет П. Штомпка, - получают большое удовольствие от азартного поиска черной собаки в темной комнате, которой к тому же там вовсе нет" [2]. По этой логике, если теория точна, непротиворечива, она не станет предметом дебатов, поскольку нет материала для интерпретации и реконструирования.

Эти соображения подводят к классу *"интеллектуальной акробатики"*. Распространено выражение: каждое новое поколение ученых вырастает на плечах гигантов предшествующих эпох. При этом взоры одних направлены вперед, и они видят дальше предшественников. Другим плечи классиков нужны, чтобы похлопывать классиков по плечу, задавая вопросы, о которых те не помышляли, ругать их за то, чего они не говорили.

Важнейшие категории современных теорий

Важнейшие элементы теоретического дискурса — фундаментальные категории. Остановимся на двух дебатлируемых категориях современной европейской социологии - культуры и модерна.

Категория культуры. Социологи различают как минимум два подхода к анализу культуры - социологию культуры (sociology of culture) и культурологию (cultural sociology). Считается, что обе дисциплины находятся на подъеме. Как размежевать эти подходы? [3].

Предмет культурологии — изучение социальной жизни как проявления культуры. Предполагается, что за социальными институтами и стереотипами поведения обнаруживаются идейные силы. Системы и проявления значений оказывают определяющее воздействие на общество. Подобная точка зрения предполагает демонстрацию автономности культуры. Делается это указанием на внутреннюю логику взаимодействия структуры-культуры по Ф. де Соссюру, а также показом несовершенства культурных карт в отношении социального расслоения и социальных форм.

Социология культуры считает социальной жизнь проявлением социального, полагая наличие за каждой системой идей соответствующих институтов и образцов поведения. Эти социальные силы определяющим образом влияют на культуру. Подобная позиция отвергает автономность культуры указанием на взаимосвязь культур-структур с объективными интересами в стиле К. Маркса, показывая, как культура картографируется при демонстрации социального расслоения и распространения социальных

форм. Подобный дуализм будит вопрос: может ли социологическая теория сформулировать что-то определенное относительно культуры? Дебаты об этом идут по трем линиям.

Первая позиция - различия первого и второго подходов уже история, победил культурологический подход. Вторая позиция носит характер фантома, дистанцируясь от которого, теоретик культуры уточняет специфику своей позиции. Представители пост-структурализма, неомарксизма и культурных исследований (cultural studies) не акцентируют внимание на материальных аспектах культуры, а при анализе культуры подчеркивают общее, нежели различия: цитируют Геертца относительно сетей значений и защищают автономию культуры, текстуальность социальной жизни и т.п.

Вторая позиция встречается у герменевтиков и дюргеймианцев, полагающих, что людям нельзя верить, а различия между идеализмом и детерминизмом сохраняются. Критические и пост-структуралистские теории - это словесные игры, в частности, полагающие, что осуждение классического марксизма ведет к глубоким изменениям. Хотя словарь приверженцев таких подходов улучшается, их работы демонстрируют внимание к проблемам власти, классовым, расовым и тендерным различиям, структурированию коллективных репрезентаций посредством социальных механизмов и инструментальных, механистических операций. Здесь социология культуры преобладает над культурологией и характерен нарратив искупления с "подлинно" культурной перспективой освобождения от ложных пророков.

Третья позиция: теория культуры продвинулась до стадии, когда позиции двух первых групп можно отбросить. Процесс синтеза породил новые теории и оживил старые, преодолел дуализм культурной автономии-детерминации (Кант). Распространились понятия "практика", "фигурация", "археология", "гегемония" в качестве способов заставить работать представления о культуре. Со ссылками на Элиаса, Хабермаса, Гидденса, Бурдьё, Коллинза, Фуко, Парсонса, Холла фундаментальный нарратив этой позиции иронически трансцендентен: ироничен, рассматривая прошлое как сплошные тупики; трансцендентен, потому что новые теории предлагают выход из бесплодных борьбы и словарь прошлого при анализе культуры.

Дискуссии о модерне. В современной социологической теории категория "модерн" несводима к принадлежности явления (процесса) к современности, подчеркивая наличие вектора, полагающего прогрессивное развитие. Считается, что социология зародилась, имея концепцию модерна (имманентное свойство социального развития) в качестве одного из главных допущений. Появившийся в конце XX в. постмодернизм ставит под сомнение неизбежность и возможность социального прогресса, вызывая острые обсуждения возможной и достижимой цели социальных изменений.

Концепция модерна критикуется по разным основаниям. В "третьем мире", в посткоммунистических обществах этот конструкт вызвал разочарования вследствие нереализованных ожиданий, некогда провозглашенных в доктрине. Под лозунгом модернизации идет проникновение институтов западного общества в различные сферы жизни этих стран с обещаниями быстрого прогресса. На деле цели вмешательства таких институтов, как Мировой банк, Международный валютный фонд далеки от альтруизма. Они преследуют прагматические интересы, а концепция модернизации играет роль, пользуясь термином Парето, *деривации* (отклонение, уход в сторону), "рационализирующей" корыстные цели таких организаций.

Некоторые теоретики определяют модерн как противоречие между автономией личности и дифференциацией общества. Как считает профессор Кембриджского университета Дж. Деланти, модерн включает культуру - проект эпохи Просвещения и и-европейско-западный цивилизационный комплекс. Он объединяет и культурный, и социальный проекты [4]. Скепсис в отношении "модерна" распространен в западном обществоведении, наряду с тревогой относительно идей, олицетворяемых им. Тенденции современного общества не оправдывают оптимизма, вложенного в понятие "модерн". Не все в современном мире меняется к лучшему даже в благополучных странах.

Причины скепсиса сформулировал французский социолог Мишель Веверка на 34 мировом конгрессе Международного Института Социологии - 1999 г., Тель-Авив. Веверка, вице-президент этой организации, констатировал, что за последние 30 лет в западных обществах произошли перемены. Термины "западный" и "общества" стали проблематичны. Одни ввели в конце 60-х гг. идею постиндустриального общества, другие предложили концепцию финансового кризиса государства (государства благосостояния), третьи критиковали понятие прогресса, рисуя перспективу всемирного экологического кризиса. Были и сторонники гипотезы "этического возрождения". В конце 70-х - начале 80-х либерализм казался идеологической и политической силой. Позднее на первый план вышла проблематика глобализации, конца истории, образ культурно и социально раздробленных обществ. Однако следует ли говорить о кризисе, или о мутации? Веверка выдвинул теорию мутации, процесса, создавшего напряженности во всех элементах современных обществ. Напряженности вызваны тем, что мутация происходит, флуктуируя между кризисом (разложением) и воссозданием. Анализ Веверки ограничен западными обществами: 1. Эти общества вышли за пределы индустриализма. Они должны ответить на вопрос: останется ли в будущем труд ядром человеческих ценностей? 2. Институты этих обществ переживают кризис в сферах социализации, поддержания порядка и справедливости, обеспечения солидарности и равенства. Идет процесс не только "де-институализации", но и глубоких изменений. Институты трансформируются в соответствии с логикой жизни; они должны стать более политическими, способными иметь дело с экономикой, открытыми демократическим отношениям. 3. Понятие нация также заслуживает рефлексии. В 80-х гг. во многих странах нация проявляла себя темной, расистской, ксенофобной реальностью и "воображаемой общностью" чаще, нежели реальностью, связанной с демократией. Будет ли национализм господствовать в будущем, не утратит ли нация значение? 4. Растут культурные различия; даже традиционные культуры воспроизводят себя и производят новые идентичности. Необходимо учитывать различные взаимоотношения между производством культурных идентичностей и социальными ситуациями - исключением, неравенством и т.д. 5. Парадокс: в наших обществах тесно связаны процессы культурной декомпозиции и рекомпозиции, с одной стороны, и индивидуализм - с другой. Значение этих связей будет расти. 6. Социальные и культурные изменения ведут к политическим дебатам, означая возникновение новых требований к субъектам политики.

Дж. Деланти [5] полагает, что категорию модерн в современных условиях характеризуют поиски субъектом социального действия автономности, а также адекватное осознание социального времени. Однако эту задачу приходится реализовывать в условиях фрагментации, - основной тенденции в современном обществе, теряющем целостность. Деланти убежден, что решение этих проблем - за рамками традиции Просвещения, на пути переосмысления пространственно-временного социального континуума.

Поскольку модерн утратил универсализм в социологии, на вызовы современности теоретики пытаются ответить с помощью других подходов, других конструкций.

Новые европейские социологические теории

Рассмотрим обсуждаемые в современной социологической теории подходы и концепции, признанные сообществом профессионалов творчески актуальными.

Критическая теория. Конференция Исследовательского комитета МСА по социальной теории (Кембридж, Великобритания, август-сентябрь 2001 г.) в качестве своей темы избрала развитие критической теории в условиях современности. Теоретики чувствуют потребность в переосмыслении ценностных и гносеологических основ анализа общества, вызванную социальными аномиями, девиациями, патологиями во многих современных социальных процессах.

Одну из функций социологии - критическую - продемонстрировала Франкфуртская

школа социальной критики. Она, в первую очередь М. Хоркхаймер и Т. Адорно, вскрыла методологические изъяны Просвещения, в частности, концепции модернизации. Лидер этого направления, признанный на родине, в Германии и в мире - Юрген Хабермас. Его творчество - обоснование путей развития современного общества на основе демократических принципов и процедур. Свою концепцию он назвал теорией коммуникации, где главным методологическим инструментом служит категория дискурса. Дискурс полагает диалоговость социального взаимодействия, паритет участников, рациональность и опосредованный характер аргументов - в противовес чувственному началу - в поиске решений. Хабермас убежден, что демократия - единственный путь социального развития и что в современных условиях единственным путем реализации демократии является социальный дискурс, которому угрожают многие силы и структуры. Важнейшая задача социума - спасение дискурса. На этом пути главными методами являются демократические политические механизмы и правовое обеспечение ценностей и практик дискурса. Основные условия решения этой задачи, - дифференциация культур, поиск и реализация идентичностей. Последние труды Хабермаса сосредоточены на анализе связей между дифференцирующимися культурами и дискурсом: монографии "Постметафизическое мышление" и "Инклюзия другого. Исследования в области политической теории" [6]. В них Хабермас останавливается на дуализме инструментального индивидуализма в противовес коммуникативной рациональности, или на конфликте между жизненным миром и системой. Большое внимание уделено посредничеству демократии и права в дискурсе. По сути, создана теория дискурса, вносящая вклад в понимание современных социальных изменений.

Постмодернизм. Большое распространение получил в конце XX в. постмодернистский подход. Лидеры его Ж.-Ф. Лиотар, Ж. Бодрийар, З. Бауман и др. Жан-Франсуа Лиотар утверждает, что постиндустриальное общество и постмодерная культура развиваются с конца 1950-х гг. Изменения связаны с техникой, наукой и социальными сдвигами, однако больше всего с изменениями в языке. Ключевое понятие, вводимое им, *языковые игры*. Социальная жизнь организована вокруг языковых игр, служащих легитимации поведения людей в обществе. Допущения истинности и есть игры, где каждое утверждение - "ход", помогающий участнику заставить принять свою версию истинного, правильного. Такой *нарратив* есть способ самолегитимизации: то, что говорится, должно быть принято благодаря тому, кем является говорящий. Нарративы помогают закрепить правила социального порядка, играя ключевую роль в социализации.

По Лиотару, наука не способна полностью избавиться от нарративного знания и пытается держать дистанцию между собой и социальными договоренностями, чтобы остаться объективной. Однако встает вопрос о целях науки. Как оправдать вложения в науку, если она отделяет себя от общества? В конечном счете, наука основана на *"метанарративах"*, придающих целевую осмысленность научному предпринятию и ориентированность на общество. Лиотар считает, что метанарративы освобождения, эмансипации человечества, самореализации и социального прогресса подорваны приходом постмодерна. Развивается "недоверие к метанарративам" [7]. Люди не верят, что разум может победить суеверие, человек совершенствоваться, а политические изменения - создать совершенное общество.

Постмодерн характеризуется двумя чертами: *Первая черта* - отказ от поиска истины, поскольку денотативные языковые игры теряют уважение. Знание - фрагмент языковых игр. *Вторая черта* — замена денотативных языковых игр техническими языковыми играми. В них суждения оцениваются не своей истинности, но по пользе и эффективности. Акцент перенесен на средства решения конкретных задач. Компьютерная технология стала главной "производительной силой". Большинство достижений постмодерна связаны с коммуникацией, языком и хранением информации. Знание, не транслированное в форму, используемую компьютерами, теряется, или его не ценят. Экономическая деятельность фокусируется на информационных техно-

логиях. Социальная жизнь становится предметом мониторинга с помощью компьютерной техники, а контроль над знанием - главным источником власти. Знание уже не самоцель, но средство купли-продажи, вероятно, даже борьбы за него. Лиотар полагает: будущие войны будут вызваны контролем над знаниями. Согласно Лиотару постмодерное общество основано на производстве полезной информации. Великие идеи истины, справедливости, прогресса не в моде. Языковые игры сосредоточены на эффективности информации и спросе на нее, не на конечной цели.

Другой теоретик постмодернизма Жан Бодрийар доказывает [8]: общество уходит от производства материальных благ. Значение покупки и продажи материальных товаров и услуг заменено продажей и покупкой знаков и имиджей, имеющих мало отношения к материальной данности. Автомобили, сигареты, поп-звезды и политические партии ассоциируются с имиджами больше, чем со своей сутью. Бодрийар доказывает, что знаки человеческой культуры прошли четыре этапа. Первый этап - знаки (слова, имиджи и т.д.), являющиеся "отражением базовой реальности". Второй - знаки, "маскирующие и извращающие некую базовую реальность", имиджи, становящиеся искажением истины, но не потерявшие связей с материальными объектами. Третий - знаки, "маскирующие отсутствие некой базовой реальности", например: иконы могут скрывать факт, что бог не существует. Четвертый - это знаки, "не имеющие отношения к какой бы то ни было реальности, являясь чистыми симулякрумами". *Симулякрум* — имидж того, что не существует и не существовало. По Бодрийару современное общество основано на производстве и обмене свободно плавающих "*сигнифайеров*" (слов и имиджей), не связанных с тем, что они означают. Преобладание сигнифайеров стремится уничтожить "реальность", с которой их можно соотнести. Телевидение - главный виновник того, что имидж и реальность неразличимы.

3. Бауман доказывает, что корни постмодерна можно вывести из стремлений этнометодолога Г. Гарфинкеля "раскрыть хрупкость и неустойчивость социальной реальности, ее "чисто" вербальные и конвенциональные основы, ее договорной характер, постоянное использование и непреодолимую недодетерминированность" [9]. Бауман обращается к синергетике, считая, что постмодерн предполагает наличие бифуркационных точек, содержащих альтернативы трендов социальных изменений в обществе.

Одна из разновидностей постмодернизма - *пост-структурализм*, двумя важнейшими целями которого являются автономия социального субъекта, вера в автономию знания, в рационалистический и позитивистский дискурс.

Социальный акционализм. Влиятельное направление европейской социологической теории - теория социального действия, *социальный акционализм*. Создатель этого подхода - французский теоретик Алэн Турен. Признание получили работы соратника Турена - М. Веверки и итальянского социолога А. Мелуччи. Турен доказывает, что вектор изменений в современном обществе - движение от историзма к концу социального. Он пишет о связях между культурой, знанием и социальным действием, развивая теорию социального субъекта, актора, действующего в условиях *де-модернизации*, присущей современному обществу. Широкий резонанс получила его статья "Можем ли мы жить вместе как равные и разные?" [10]. На первом плане в его работах проблемы *агентства* (agency) - социального института, выполняющего функции *медиатора*, посредника в социальных отношениях. Помимо работ Турена, большое внимание привлекла работа К. Апеля и М. Арчер "Культура и агентство: место культуры в социальной теории" [11], раскрывающая социальные механизмы агентства на примере феномена культуры.

Главный предмет исследования А. Мелуччи - это связи культуры, идентичности и социальных изменений. Рассматривая их взаимодействия, он выходит на анализ связей демократии и *рефлексивности*. Понятие рефлексивности используется в акционализме и в других теоретических направлениях. Под термином *рефлексивность* социоло-

гическая теория подразумевает рост автономного мышления и индивидуалистического творчества. Однако это творчество, соотносящееся с осознанием правомерности существования разных форм, моделей и кодов культуры, создающих индивидам и группам, участникам созидательной деятельности возможность выбора средств культуры. Данным способом индивиды и группы артикулируют отличия от других индивидов и групп. Таким образом, рефлексивность предполагает опору на принцип категорического императива И. Канта: "Поступай по отношению к другим так же, как ты хочешь, чтобы по отношению к тебе поступали другие". В монографиях Мелуччи "Бросающие вызов коды. Коллективное действие в век информации" и "Играющее Я: личность и значение в планетарный век" развиты категории рефлексивности, ее функционирование соотносено с коллективной идентичностью.

Часто к направлению социального акционализма относят Корнелиуса Кастриадиса, сосредоточившегося на исследовании того, как радикальное придание смыслов с помощью лишь воображения (*imaginary signification*) позволяет преодолевать институциональный социальный порядок.

Рефлексивная модернизация. Скептицизм социологов-теоретиков к концепции модернизации, однако, не означает готовности всех отказаться от идеи прогресса и развития. Самый видный из них — Энтони Гидденс, начав с критики исторического материализма, к 90-м гг. пришел к выводу, что наиболее плодотворно в социологии не отрицание, но конструктивная попытка позитивного решения проблем. Гидденс видит решение проблем постмодерна на путях укоренения рефлексивности в обществе.

Западная социологическая теория последних десятилетий XX в. была преимущественно выражением кризиса не просто модерна — как рассогласования между культурными ожиданиями современности и социальной реальностью общества, но, прежде всего, кризиса социального и политического субъекта, культурных условий модерна. Тема утраты единства и социальной сплоченности — как мировоззренческого принципа, — главный мотив социальной теории. Гидденс одним из первых пришел к пониманию необходимости пересмотреть предпосылки анализа социальной реальности, повернув от теории современного капитализма к созданию теории структуриации. Его теория подчеркивает не столько дуализм — противоположность, сколько двойственность-многомерность в отношениях агентства и структуры. Сказать, что он говорит об их конвергенции, было бы слишком сильно, но можно констатировать, что Гидденс выявляет понимание необходимости переосмыслить новые формы *медиации* (опосредования) между агентством и структурой, культурой и властью, жизненным миром и системой, опытом и рационализацией, призывая к этому все течения теории. В последние годы Гидденс изучает роль *доверия* в социальных отношениях. По его убеждению, рефлексивная модернизация может стать реальностью, опираясь на доверие отдельных индивидов и групп, доверие между гражданами и властью.

Еще один теоретик этого направления — немецкий социолог Ульрих Бек. Для него характерная черта современного общества — риски. Общество живет в условиях обостряющихся угроз, проникающих во все сферы жизнедеятельности от экологии до личной жизни. Минимизация рисков должна вести к стратегии устойчивого развития, а это столбовой путь реализации концепции рефлексивной модернизации. Итогом деятельности этого теоретического направления является обоснование возможности еще одного типа модернизации. Центральными элементами ее реализации являются изученные и используемые в управлении обществом социальные механизмы культуры, а основой стратегии — единение рефлексии и дискурса.

Теория сетевого общества М. Кастельса получила в конце 90-х гг. значительное распространение. Согласно Кастельсу на рубеже тысячелетий новый тип общества все больше формируется потоками информации. Такое общество — бесшовная сеть взаимоотношений, все более глобализованных благодаря информационным технологиям, преобразующим социальные отношения в сферах производственных отношений, власти и личного опыта индивида. Сеть — это открытая и неограниченная структура, расширяющаяся посредством коммуникации и информации. По Кастельсу, наиболее

значимыми социальными достижениями настоящего являются информационные технологии, преобразовавшие экономическое производство в политическую сферу власти, а также в сферу опыта и идентичности. Власть отождествляется с доступом к информации, с манипулированием кодами культуры. Сетевая теория описывает современную ситуацию как влияние друг на друга информации и культуры. Экономическое производство, становясь зависимым от информации, перемещается в область культуры, неся с собой преобразование, трансформацию опыта, а также противостояние (даже столкновение) сети и личности. В ситуации кризиса концепции нации-государства коллективные идентичности освобождаются от старых структур власти и вливаются в глобализированные потоки информатизированной культуры. В политике ширится манипулирование с помощью информационных средств. По существу, власть вырвалась из-под контроля таких социальных институтов как государство и бизнес, из-под влияния церкви и корпоративных средств массовой информации. Она растворяется в сетях, не контролируемых каким-либо агентством. "Новая власть, - пишет Каstellь, - содержится в кодах и в образах репрезентации, вокруг которых общества организуют свои институты, а люди строят свою жизнь и определяют свое поведение" [12].

Может ли информация стать основой демократизации политики, или она растворяется во фрагментированном обществе, в котором информация станет инструментом господства? Согласно сетевой теории ключ ответа на этот вопрос - следующий: возникнут ли новые социальные движения, которые выразят и воплотят проект "новой идентичности"? Эта новая идентичность могла бы использовать информационную культуру во благо демократии. Ведь социальная интеграция в возникающем сегодня обществе не определяется ни культурной сплоченностью, ни нормативным консенсусом, как полагали функционалисты. Не связана она и с результатами классовой борьбы. Основа будущей интеграции - информация. Культура информации становится своеобразным "клеем", скрепляющим общество. При такой интеграции общество начинает существовать не как система, но как сеть отношений, в которых нет ничего, кроме их коммуникативного содержания.

Социальное время и пространство на стыке веков. Рост мобильности и развитие туристических поездок по всему миру привели к перемешиванию мировой культуры. Быстрые перемещения, убедительность средств массовой коммуникации изменили восприятие людьми пространства и времени. И то и другое как бы сжалось. Времена, места и культуры перемешаны в узком пространстве, что отражается в искусстве, философии и социальной мысли и типизируется как эфемерность, коллаж, фрагментарность. Твердая граница знаний и убеждений сегодня кажется подорванной разнообразием и раздробленностью.

Эти сдвиги вкпе с переходом к гибкой аккумуляции вызывают политические изменения, в частности, касаясь роста роли имиджей. Современные социальные процессы не просто повлияли на эффективность правительственных решений, но привели к сдвигам в положении политических и социальных движений. Положение классов и рабочее движение менее значимы как оппозиция, которая раздроблена в движениях, частных группах интересов. Религиозные, мистические, социальные, коммунальные, гуманитарные движения определяют себя "непосредственно в терминах антагонизма к власти денег, или же в терминах рационализированных понятий пространства и времени над повседневной жизнью" [13]. Возросло влияние феминизма, этнических неравенств, экологии и бедности в странах "третьего мира".

Многие из перечисленных в моем обзоре тем, анализируемых европейскими социологами — центральные для социологии с момента ее зарождения. Они остаются значимыми по мере развития социальной жизни. Другие проблемы - новые, отражающие меняющуюся природу социальной жизни, показывая важность социологического теоретического анализа, который может углубить понимание человеческого мира и изменить его к лучшему.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Sztompka P.* Sociological Theory: of What, for What and for Whom // Theory. The Newsletter of the RC on Sociological Theory, ISA. Winter 2000/2001. PP. 3-6.
2. *Sztompka P.* Op. cit.
3. *Smith Ph.* Sociology of Culture and Cultural Sociology // Theory. The Newsletter of the RC on Sociological Theory, ISA. Winter 2000/2001. PP. 6-8.
4. *Delanty G.* Social Theory in a Changing World. Conceptions of Modernity. Cambridge, 1999. P. 1-2.
5. *Delanty G.* Social Theory in a Changing World. P. 164.
6. *Habermas J.* Inclusion of the Other: Studies in Political Theory. Cambridge, 1998.
7. *Liotard J.-F.* Les conditions postmodernes. P., 1997. P. XXIV.
8. *Baudrillard J.* Simulations. P., 1998.
9. *Bauman Z.* Intimations of Postmodernity. L, 1992. P. 40.
10. Journal of Social Theory, 1998. № 1. V. 2. PP. 165-178.
11. *Apel K.O., Archer M.* Culture and Agency: The Place of Culture in Social Theory. Cambridge, 1988.
12. *Castells M.* The Information Age. NY, 1997. P. 3.
13. *Harvey D.* The Condition of Postmodernity. Oxford, 1990. P. 238.